

На правах рукописи

САВЕЛЬЕВ Александр Владиславович

**ОТРАЖЕНИЕ ДИАЛЕКТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ В
СТАРОПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА
XVIII ВЕКА**

(на материале Словаря Палласа)

Специальность 10.02.02 — Языки народов Российской Федерации
(урало-алтайские языки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва — 2014

Работа выполнена в отделе урало-алтайских языков «Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт языкознания Российской Академии Наук».

Научный руководитель: **Мудрак Олег Алексеевич**
доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета

Официальные оппоненты: **Добродомов Игорь Георгиевич**
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания Московского педагогического государственного университета

Кузнецов Александр Валерьянович
кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской Академии Наук

Защита диссертации состоится 10 февраля 2015 года в 14.00 на заседании Диссертационного совета Д 002.006.01 при Институте языкознания РАН по адресу: 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института языкознания РАН по адресу: 125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1 и на сайте Института языкознания РАН <http://iling-ran.ru>.

Автореферат разослан « ___ » _____ 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Е.М. Девяткина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Предлагаемая диссертация посвящена отражению диалектных особенностей в чувашском материале двух памятников XVIII века — «Сравнительных словарей всех языков и наречий, собранных десницею Всевысочайшей особы» (часть I — 1787 год, часть II — 1789 год) и «Сравнительного словаря всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенного» (1790–1791 годы). В основу этих трудов легли данные языков мира, собранные по желанию российской императрицы Екатерины II. Курировал проект ученый-энциклопедист П. С. Паллас (1741–1811). Так как упомянутые словари отличаются, главным образом, принципом построения словника, а представленный в них лексический материал практически одинаков, в настоящем исследовании издания объединены под общим названием «Словарь Палласа». «Сравнительный словарь всех языков и наречий, собранный десницею Всевысочайшей особы» для лаконичности называется «первым изданием Словаря Палласа», а «Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный» — «вторым изданием Словаря Палласа».

Под старописьменными памятниками чувашского языка в диссертации понимаются памятники, созданные с начала XVIII века и до 1871 года, когда просветитель И. Я. Яковлев утвердил проект нового чувашского алфавита на основе низового (анатри) диалекта.

Актуальность исследования обусловлена тем, что старописьменные памятники служат важным источником сведений об истории и, в частности, исторической диалектологии чувашского языка. До сих пор они остаются очень мало изученными, так как в чувашеведении утвердилось мнение о низком качестве представленного в них языкового материала. Создателям памятников XVIII века ставили в вину неточную запись чувашских звуков и не критичное отношение к свидетельствам информантов. По выражению В. Г. Егорова, «2/3 словарного материала, собранного в этом веке, представляет собой бесполезную макулатуру».

Такой подход представляется необоснованным хотя бы потому, что использование памятников XVIII века — тех же (в случае с многоязычными словарями) или схожих по концепции, условиям создания и качеству исполнения — оказалось полезным при изучении исторической диалектологии других языков Поволжья, в частности, удмуртского (Т. И. Тепляшина, В. В. Напольских, Л. М. Ившин) и марийского (О. А. Сергеев).

В настоящее время основным источником при изучении исторической диалектологии чувашского языка являются полевые данные, фиксируемые с конца XIX века (Н. И. Ашмарин). Сопоставление материалов разных говоров позволило выявить как архаичные явления в истории языка, так и

инновации. Хотя общий уровень разработанности чувашской диалектологии следует признать недостаточным, в научный оборот введен довольно большой объем диалектного материала. На его основе были созданы важные работы по исторической морфологии (Л. С. Левитская) и фонетике (О. А. Мудрак) чувашского языка.

Кроме того, факты истории языка восстанавливаются благодаря заимствованиям из чувашских (булгарских) диалектов в языки, которые в разные эпохи были для них соседними: финно-угорские (венгерский, удмуртский, марийский), тюркские (прежде всего, татарский), славянские и т. д.

Письменные памятники тюркских идиомов булгарского типа, относящиеся к периоду до XVIII века, достаточно хорошо изучены. Речь идет, прежде всего, о волжско-булгарских эпитафиях XIII–XIV веков (Х. Фейзханов, Н. И. Ашмарин, Ф. С. Хакимзянов, М. Эрдаль и др.), к анализу могут привлекаться и более ранние дунайско-булгарские надписи (О. А. Мудрак). Однако использование булгарских источников при исследовании истории чувашского языка в известной степени ограничено их небольшим числом и объемом. В этой связи представляется важным максимальное введение в научный оборот памятников чувашского языка XVIII века, которые достаточно информативны и при этом еще сохраняют большое количество архаизмов на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях.

Наконец, памятники чувашского языка XVIII века отражают целый этап в истории чувашской письменности. В этом отношении большой интерес представляет изучение специфических средств графики и приемов орфографии, которые использовались авторами памятников для передачи фонетики чувашских говоров.

Степень разработанности проблемы. До настоящего времени памятники XVIII века оставались на периферии внимания исследователей чувашского языка. Опубликованные к настоящему времени работы на эту тему, во-первых, очень немногочисленны. Во-вторых, большинство из них носит обзорный или прикладной (учебный) характер.

Памятникам чувашского языка XVIII века посвящены обзорные работы Н. В. Никольского (1912), В. Г. Егорова (1949, 1971), М. И. Скворцова (1985), Л. П. Сергеева (1970, 1988, 2003, 2004). Кроме того, последнему принадлежит попытка составить сводный словарь лексики памятников чувашского языка указанного периода, оставшийся незавершенным и неопубликованным. Краткие статьи по отдельным старописьменным источникам публиковали также А. П. Хузангай и Н. И. Егоров. Среди зарубежных исследователей проблематику чувашского языка XVIII века разрабатывали Э. Ховдхауген (1975), К. Адягаши (1982), У. Блезинг (2007). До сих пор единственной работой, посвященной исключительно чувашской части Словаря Палласа и содержащей попытку

проанализировать весь зафиксированный в этом памятнике чувашский материал, оставалась краткая и избыточная ошибками и очевидно неверными интерпретациями статья польской исследовательницы Э. Семенец-Голась (1996, переработанная версия вышла в 2001 году).

Большинство указанных авторов исходили из постулата о том, что памятники XVIII века полны ошибочных записей, для которых не могут быть восстановлены протографические варианты, и, таким образом, их нельзя рассматривать как полноценные источники по истории чувашского языка. Однако такие выводы делались «на глазок», без выполнения полной росписи языкового материала (или хотя бы росписи значительной его части), являющейся базовой процедурой при анализе любого крупного памятника письменности. Насколько известно, частичная роспись предшествовала только разбору «Сочинений, принадлежащий к грамматике чувашского языка» (1769), выполненному О. А. Мудраком (2011), что позволило выявить в этом памятнике ряд примечательных диалектных особенностей.

В рамках настоящей диссертации впервые выполнена полная роспись старописьменного памятника чувашского языка XVIII века (Словаря Палласа), а затем проведен детальный анализ фонетики, морфологии и лексики отраженного в памятнике диалектного материала. Благодаря этому становится возможным однозначно соотнести большинство палласовских записей с двумя основными диалектами чувашского языка — верховым (вирьял) и низовым (анатри). Исходя из этого можно говорить о **научной новизне** данной работы.

Объектом исследования является чувашский материал в обоих изданиях Словаря Палласа. Данный словарь — один из нескольких десятков (при подсчете вместе со списками и текстами незначительного объема) памятников чувашского языка XVIII века. Выбор Словаря Палласа в качестве объекта исследования обусловлен, в частности, богатством представленного в нем языкового материала в сравнении с большинством других письменных источников указанного периода. Именно крупные памятники позволяют системно реконструировать ранние состояния языка. При этом, например, старописьменные памятники XIX века не столь интересны, так как в них сильнее проявляется тенденция к стандартизированной орфографии, а значит, хуже отражены особенности фонетики чувашских говоров. Наконец, Словарь Палласа — один из первых разнодиалектных памятников чувашского языка. Благодаря параллельным словникам становится возможным провести сопоставительное исследование чувашских диалектов по состоянию на конец XVIII века.

Рамки настоящего исследования ограничены печатной версией Словаря Палласа. В дальнейшем привлечение сохранившихся черновики из архива П. С. Палласа позволит уточнить полученные результаты.

Предмет исследования фактически совпадает с темой диссертации — это отражение диалектных особенностей в чувашском материале Словаря Палласа на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях.

Цель исследования заключается в выявлении данных особенностей. Сопутствующая цель — введение в оборот нового научного материала, который в дальнейшем может быть использован при изучении других вопросов, связанных с историей чувашского языка.

Исходя из этого, в работе решаются следующие **задачи**:

- обнаружение чувашских форм в Словаре Палласа;
- сплошная роспись чувашского материала памятника;
- анализ графики и орфографии чувашского материала с целью разграничения, с одной стороны, способов передачи фонетических особенностей, а с другой стороны, орфографических приемов и ошибок переписчиков;
- восстановление фонетического облика чувашских записей Словаря Палласа и последующее отнесение отклонений от общечувашского прототипа к числу диалектных архаизмов или инноваций;
- сбор чувашского диалектного материала, в том числе в рамках собственных полевых исследований;
- определение диалектной принадлежности чувашских форм Словаря Палласа;
- анализ лексики чувашской части Словаря Палласа, в том числе этимологизация представленных в данном памятнике уникальных слов (hарах legomena).

При работе над диссертацией использовались следующие **методы исследования**: филологический (в том числе метод контекстуального анализа), сравнительно-исторический (включающий в себя методы внешней и внутренней реконструкции) и др. В рамках сбора диалектного материала использовался полевой метод, предполагающий опрос информантов, запись языкового материала на информационные носители и последующий его анализ.

Исследование выполнено с опорой на младограмматическую школу как основательницу научного сравнительно-исторического языкознания. Кроме того, **теоретико-методологической базой** для диссертации послужили методологические обоснования внутренней реконструкции, описанные у Ф. де Соссюра и его последователей; современное состояние тюркской реконструкции и алтайской реконструкции, верифицирующей тюркскую; фонологическое учение Пражской школы, а также типология фонетических систем.

Эмпирическую базу исследования составили:

- данные чувашских диалектов, приведенные, прежде всего, в работах Н. И. Ашмарина, А. С. Канюковой и Л. П. Сергеева;
- собственная диалектологическая картотека, которая была составлена

по итогам полевых исследований, проведенных в 2012–2014 годах в Шумерлинском, Вурнарском и Красночетайском районах Чувашской Республики, а также в Нурлатском районе Республики Татарстан (электронная база оформлена в многофункциональной лингвистической программе С. А. Старостина Starling);

— материал чувашского литературного языка, зафиксированный в чувашско-русских и русско-чувашских словарях, а также являющийся результатом интроспекции автора — носителя языка;

— материалы общих и частных этимологических словарей тюркских и алтайских языков.

Теоретическая значимость исследования обусловлена тем, что в его рамках предпринят первый в чувашеведении опыт подробной реконструкции языковых систем XVIII века на базе крупного памятника письменности. Благодаря проведенной работе становится возможным уточнить положения исторической грамматики чувашского языка, равно как и абсолютную хронологию основных изменений.

Кроме того, в результате исследования выявлены и систематизированы принципы уникальной для неславянских языков XVIII века кириллической транскрипции, которая использовалась при создании Словаря Палласа.

Практическая значимость. Полученные результаты могут быть использованы при написании исторической грамматики чувашского языка. Как известно, существует два подхода к работе над исторической грамматикой. При первом акцент делается на современных состояниях и реконструированных праформах. Второй подход предусматривает описание поэтапного развития. Представляется, что, в первую очередь, именно динамическая модель чувашской исторической грамматики может быть уточнена и дополнена благодаря результатам данного исследования.

Опыт изучения кириллической транскрипции Словаря Палласа будет полезен при изучении прочих памятников чувашской письменности, а также памятников других языков (в первую очередь, материалов Словаря Палласа на соответствующих языках).

Наконец, предлагаемая диссертация может быть использована как самостоятельное учебное пособие для высших учебных заведений по вопросам, связанным с исторической диалектологией и старописьменными памятниками чувашского языка.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Словарь Палласа, вопреки преобладающему в чувашеведении мнению, отличается высоким уровнем записи материала и является ценным источником по истории чувашского языка.

2. Благодаря сложной, но последовательной системе отражения звуков в Словаре Палласа принципиально возможно восстановление фонетических прототипов для всех зафиксированных в памятнике чувашских форм.

3. Словарь Палласа является одним из первых разнодиалектных

памятников чувашского языка. В нем последовательно переданы черты основных чувашских диалектов — верхового (вирьял) и низового (анатри). Значительный объем представленного в памятнике материала позволяет реконструировать системы чувашских диалектов XVIII века на фонетическом и морфологическом уровнях, а также дает представление об их лексическом своеобразии и элементах синтаксиса.

4. Диалектные черты в Словаре Палласа сопоставимы с данными современных чувашских говоров, почерпнутыми из специальной литературы или полученными в результате собственных полевых исследований, что дает основания для попытки географической локализации «палласовских» говоров чувашского языка.

5. В языке памятника находят отражение некоторые архаичные особенности фонетики и морфологии, не отмеченные ни в более поздних памятниках чувашской письменности, ни в литературном языке, ни в известном из иных источников диалектном материале. Кроме того, в Словаре Палласа представлена уникальная чувашская лексика, которая ранее считалась результатом ошибок составителей, но на самом деле может быть этимологизирована на тюркской (~ алтайской) почве либо признана заимствованной.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка помет и сокращений, списка использованной литературы. В качестве приложений приводятся Словарь чувашской лексики по материалам П. С. Палласа (319 вхождений) и 5 алфавитных индексов.

Апробация работы. Выводы диссертационного исследования были изложены на 7-х Тенишевских чтениях (Москва, 26–27 апреля 2013 года), на XIII международной конференции «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России» (Уфа, 13–14 сентября 2013 года) и на конференции «Урало-алтайские исследования» (Московская область, 2–4 июня 2014 года), а также обсуждались на заседаниях Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН.

По теме диссертации опубликовано 5 работ общим объемом 4,8 п. л.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы исследования, определены степень ее изученности, научная новизна, объект и предмет исследования, цели и задачи, методологическая и эмпирическая база, теоретическая и практическая значимость исследования, а также сформулированы положения, выносимые на защиту. Кроме того, во Введении даны необходимые сведения об истории создания Словаря Палласа, приведен краткий обзор диалектов чувашского языка, разъяснены принципы анализа старописьменных памятников и способ подачи материала в тексте

диссертации.

В первых двух главах диссертации на основании полной росписи материала проводится анализ чувашских записей Словаря Палласа с целью разграничения, с одной стороны, способов передачи фонетических особенностей и, с другой стороны, орфографических приемов и ошибок переписчиков.

Глава I «Отражение системы согласных в чувашских материалах Словаря Палласа» состоит из трех разделов.

В разделе 1 «Шумные согласные» анализируются закономерности передачи в памятнике чувашских согласных *p, t, k, s, š, ś, č, ç*. В современном чувашском языке шумные согласные реализуются в глухих или полувзвонких вариантах в зависимости от позиции. Только глухие варианты возможны в анлауте и ауслауте, а также в позиции после другого шумного согласного. В интервокальной позиции и в положении после сонанта перед гласным появляются полувзвонкие аллофоны, традиционно записываемые как звонкие. Только в инлауте возможны глухие геминаты.

Данная закономерность в целом соблюдается при отражении шумных в Словаре Палласа, но с некоторыми исключениями. Часть случаев неожиданной глухости /звонкости согласных надежно объясняется несоответствием границ фонетического и графического (в варианте данного памятника) слова. Что касается случаев, которые могут быть спроецированы на фонетическую плоскость, то здесь, во-первых, обращает на себя внимание появление в части основ анлаутного [б-] на месте ожидаемого анлаутного [л-]. Передача полувзвонкого в данном случае синхронно не мотивирована, но находит параллели в других памятниках чувашского языка XVIII века и, по-видимому, может быть объяснена в рамках исторической фонетики тюркских языков. Во-вторых, в части случаев в памятнике появляются глухие отражения шумных в ожидаемой позиции озвончения. Это происходит при соблюдении хотя бы одного из следующих условий: 1) шумный согласный находится рядом с редуцированным гласным, имеющим шепотную артикуляцию, или 2) шумный согласный расположен на границе морфем. Менее надежно и только для верхового материала отмечается глухая реализация шумных в позиции после -г- (в отличие от ожидаемой полувзвонкой реализации после других сонантов). Геминация согласных отражается непоследовательно, хотя в большинстве случаев наблюдается следующая закономерность: в предударной позиции ожидаемый геминированный согласный передается через одинарную букву, а в заударной — через двойную.

В отражении отдельных шумных согласных усматриваются и другие особенности, которые не могут быть объяснены ошибками переписчиков или особенностями орфографии памятника. Обусловленные специфическим развитием фонетики «палласовских» говоров, они более подробно рассматриваются в главе III.

С другой стороны, некоторые особенности отражения чувашских согласных в памятнике имеют чисто орфографический характер. Так, одной из наиболее примечательных особенностей орфографии чувашской части Словаря Палласа является регулярная передача при помощи буквы [-ɫ-] и смычного -g-, и фрикативного -ɣ- (вариант χ в позиции озвончения). В большинстве остальных кириллических памятников чувашского языка XVIII века через [-ɫ-] записывается только -ɣ-, а -g- передается при помощи [-g-] из латинской графики. Подобная система записи отмечается и в некоторых языковых частях Словаря Палласа (например, при записи камчадальского материала).

Способы записи шумных согласных в чувашской части Словаря Палласа обобщены ниже в таблице. Вслед за каждой буквой дается количество ее употреблений в данном фонетическом значении. Подсчет велся с учетом принятых после выявления графических ошибок, о которых см. ниже, конъектур. Сложные случаи и уникальные слова памятника учтены в таблице постольку, поскольку не вызывает сомнений восстановление данного согласного.

Разные позиции обозначены в таблице следующим образом: #Т- — анлаут, -Т- — простой согласный в интервокале, -ТТ- — гемината в интервокале, -НТ- — простой согласный после сонанта перед гласным, -НТТ- — гемината после сонанта перед гласным, -Т# — ауслаут. Для наглядности среди ауслаутных отражений приводятся и случаи с глухой реализацией интервокальных шумных рядом с шепотным редуцированным гласным. Звездочкой обозначены случаи неожиданного отражения согласных, которые не имеют надежного объяснения на синхронном уровне и могут быть квалифицированы как архаизмы. Буквой R помечены случаи неожиданно глухого отражения шумных согласных в позиции после сонанта -ɫ-. Жирным шрифтом выделены те отражения согласных, которые претендуют на регулярный характер.

	#Т-	-Т-	-ТТ-	-НТ-	-НТТ-	-Т#
p	[б] 11* [п] 23+1 ¹	[б] 9	[пп] 1	[б] 3	- - -	[б] 2 [п] 5+Т ₂ 3
t	[д] 1* [т] 37+1 ¹	[д] 6+1 ¹ [т] 3 ²	[т] 2 ³ [тт] 2	[д] 13 [т] 1 ⁴ , R 1	[т] 3	[д] 2 ⁵ [т] 18+Т ₂ 7 [тт] 1*
k	[к] 41+2 ¹	[г] 9 [к] 1 ⁴	[к] 3 [кк] 2	[г] 6 [к] R 1	- - -	[к] 27+Т ₂ 1 [х] 1*
s	[с] 35	[з] 12+1 ¹ [с] 2 ⁴ , 1 ⁵	[с] 1 ³	[з] 10+1 ¹ [с] 3 ⁴	- -	[с] 14

	#Т-	-Т-	-ТТ-	-NT-	-NTT-	-Т#
š	[ш] 16+2 ¹	[ж] 1 ⁵ +1 ¹ [ш] 1 ⁴ , 1 ⁵ , 1 ⁶ [ч] 1 ⁵	[ш] 1	[ж] 1 [ш] 2 ⁴ , R 1	- - -	[ш] 15+Т ₂ 1
ś	[с'] 49+7 ¹ [с'] 1 ⁷ [ш] 2	[з'] 2* [с'] 4* [ч] 3*	[с'] 4 [сс'] 1	[з'] 1	- - -	[сь] 31 ⁸ + Т ₂ 1 [сЪ] 8* [ссЪ] 1*
č	[ч] 18	[ч] 5	[ч] 5 ⁹	[ч] 7	- -	[ч] 4 ¹⁰ [т'] Т ₂ 1
χ	[х] 31+2 ¹ [к] 2 ⁵	[г] 3+1 ¹ [х] 1 ⁴ , 1 ⁵ , 1 ⁶	[гг] 1 [х] 4	[г] 4 [х] 2 ⁵	- - -	[х] 9 [к] 2

Таблица 1. Отражение шумных согласных в чувашской части Словаря Палласа.

Комментарии:

¹ После плюса следуют неявные случаи, когда данной фонетической позиции соответствует другая позиция в орфографии (например, фонетический анлаут второй основы в слитно записанном словосочетании, который из-за предшествующего гласного формально воспринимается как интервокал).

² Из них 2 — на морфемной границе.

³ Нельзя исключать и отражения одинарного согласного.

⁴ На морфемной границе.

⁵ В заимствованиях.

⁶ Под влиянием народной этимологии.

⁷ Ассимиляция по твердости.

⁸ В том числе 5 случаев с распределением [сь]Т 2/ [с]Т' 3, где Т — следующий согласный.

⁹ Из них для 4 случаев нельзя исключать отражения одинарного согласного.

¹⁰ В том числе 1 случай использования [-ч] для отражения сочетания -tś.

В разделе 2 «Сонанты» анализируются особенности передачи в памятнике чувашских согласных *r, n, m, l, v, j*. Отражение сонантов при сопоставлении с данными современного чувашского языка оказывается по большей части тривиальным, а некоторые важные исключения обусловлены, с одной стороны, влиянием русской орфографии (это касается, в частности, записи сочетаний «йот + гласный» через йотированные буквы, которую, впрочем, унаследовала и современная чувашская орфография), а с другой стороны — специфической фонетикой «палласовских» говоров, подробно рассмотренной в главе III.

Запись консонантизма «палласовских» говоров лишь в малой степени страдает от ошибок при переписывании или наборе. Большинство ошибок носит единичный характер и обосновано сходством рукописных вариантов букв, например, [з] и [л], [н] и [к], [л] и [г]. Также имеются несколько случаев перестановки букв. Массовый характер имеет только смешение

букв [ʒ]¹ и [ʒ̣] — этот вопрос специально исследован в разделе 3 «Отражение твердости и мягкости согласных».

В современном чувашском языке согласные, за вычетом палатальных, имеют твердые и мягкие варианты в зависимости от вокалического окружения (заднерядного и переднерядного соответственно). Однако в рассматриваемом памятнике — при в общем последовательной передаче чувашской фонетики — [ʒ] и [ʒ̣] в конце слова употребляются как будто бессистемно. Полная роспись материала показывает, что на самом деле [ʒ̣] на месте ожидаемого [ʒ] появляется в разы чаще, чем [ʒ] на месте ожидаемого [ʒ̣]. Более того, почти все ауслатные согласные значительно чаще передаются на письме как неожиданно мягкие (104 раза) по сравнению с ожидаемо твердыми отражениями (34 раза). Такую ситуацию трудно объяснить иначе, кроме как очень частотной ошибкой при переписывании или наборе. Учитывая практически односторонний характер замен в направлении [ʒ] > [ʒ̣], а не наоборот, такие ошибки не могут быть объяснены только графическим сходством этих букв. Можно предположить, что при записи чувашского материала для Словаря Палласа использовался паерок (надстрочный знак, обычно заменявший [ʒ]), который был неверно интерпретирован переписчиками или редактором как обозначение мягкости.

Указанная ошибка, несмотря на ее частотность, не мешает правильной фонетической интерпретации палласовского материала, так как она легко опознается по несоответствию между твердостью-мягкостью конечного согласного и сингармонистическим рядом слова.

Немногочисленные случаи появления [ʒ̣] на месте ожидаемого по сингармонизму [ʒ] (всего 18 раз, не более 2 случаев после каждой буквы, за исключением [с], о котором см. ниже), очевидно, имеют иную — фонетическую природу. По данным диалектологии, по крайней мере некоторые согласные в чувашских говорах не подвергаются в переднерядном контексте полному смягчению. Поэтому совсем не обязательно предполагать в данных случаях графические ошибки.

На этом фоне сильно выбивается отражение в чувашском материале памятника палатального *ś* в ауслатной позиции. В статистически значимом числе случаев (7 раз в 4 основах) он передается как маркированно твердый [-сʒ̣]. Оказывается, что в этих примерах ожидаемый -*ś* современного чувашского языка регулярно соответствует пратюркским консонантным сочетаниям **ʃc* и **ʃs* (более частотно соответствие простому **ç*). Подробнее эта архаичная особенность консонантизма «палласовских» говоров рассмотрена в главе III.

Отдельную проблему составляет интерпретация засвидетельствованных в памятнике глагольных форм с исходом на сибилант (в угоду системному

¹ В Словаре Палласа, естественно, используются строчные [ʒ], однако в настоящем исследовании они заменены на прописные [ʒ̣], чтобы избежать визуального смешения с [ʒ̣].

изложению материала этот вопрос рассмотрен в диссертации не в разделе 3, а в пункте 1.6.5 раздела 1 главы I, где анализируются способы передачи в памятнике палатального *-ś*). В чувашской части Словаря представлено 18 глаголов с исходом на [-*сь*] и 5 — на [-*сЪ*]. Самое очевидное решение состоит в том, чтобы соотносить записи первого типа с современными формами настоящего времени 3-го лица множественного числа на *-aśśă/-eśśă*, имеющие разговорный вариант *-aś/-eś*, а записи второго типа — с инфинитивами (в традиционной грамматике — причастия будущего времени) на *-as/-es*. Однако, учитывая частотность неожиданно мягких отражений ауслатных согласных в памятнике, эта гипотеза требует дополнительного подтверждения. Такое подтверждение было получено при разборе всех зафиксированных в памятнике глагольных форм. Оказалось, что чувашские глагольные формы различного типа последовательно коррелируют с формами предлагавшихся для перевода русских слов. Записи на [-*сь*] в 16 случаях из 18 имеют в качестве русского эквивалента глаголы в инфинитиве. Записи на [-*сЪ*] во всех 5 случаях являются переводами русских существительных. Установленная корреляция, подтверждаемая анализом остальных фиксаций чувашских глаголов в памятнике, не может быть случайной, а значит, предположение об ошибках при записи форм на [-*сЪ*]/ [-*сь*] следует отвергнуть.

В памятнике есть примеры нетривиального отражения твердости-мягкости согласных в позиции инлаута перед следующим согласным. Отчасти они обусловлены ошибками в работе переписчиков, но в некоторых случаях неожиданную мягкость следует объяснять фонетическими процессами в чувашских говорах (прежде всего, ассимиляцией по твердости-мягкости внутри консонантных сочетаний).

Глава II «Отражение системы гласных в чувашских материалах Словаря Палласа» также состоит из трех разделов.

В разделе 1 «Гласные полного образования» исследуются способы передачи в памятнике чувашских гласных *-a-*, *-e-*, *-i-*, *-i-*, *-o-/ -u-* (распределенные по диалектам варианты общечувашского **o*), *-u-*, *-ü-*. При этом обнаруживаются следующие основные особенности.

Гласный *-a-* в анлауте и после твердых согласных тривиально отражается при помощи буквы [а]. В положении после палатального *ś* он передается через [я]: *śa* = [с*я*]. Хотя в этой позиции вполне естественного упреждение гласного, но такая запись скорее обусловлена влиянием русской орфографии, где сочетание **[сьа]* невозможно. Аналогичным образом — по правилам русской орфографии — как [я] отражается сочетание *ja*. При этом по русскому же правилу для записи сочетания *śa* обычно используется последовательность [ча], а не **[чя]*. В нескольких случаях *-a-* передается через [о], что обусловлено, по-видимому, гиперкоррекцией со стороны «акающего» интервьюера.

Сложную картину образуют варианты передачи гласного *-e-*. В анлауте

представлены варианты [a] и [э] (таким образом, нарушается оговоренное П. С. Палласом в «Предисловии» к Словарю правило о том, что [э] следует читать как огубленный -ö-). С одной стороны, неединообразное отражение анлаутного e- может быть связано с тем, что в XVIII веке использование буквы [э] окончательно еще не устоялось — официально ее включили в русский алфавит только в 1708 году при создании гражданского шрифта. Но с другой стороны, есть основания относить записи с [a-] и [э-] к разным источникам, так как, по данным диалектологии, в разных чувашских говорах степень открытости анлаутного e- ощутимо различается. В инлауте внутри не разложимых на синхронном уровне основ -e- регулярно передается через [e]. В аффиксах представлены два варианта — [e] и [я], распределенные диалектально (первый вариант — верховой, второй — низовой). Наконец, в ауслауте рассматриваемый гласный регулярно отражается при помощи [я], но [гe] по правилам русской орфографии, где нежелательна последовательность *[гя] (особенно в конце слова).

Гласный -i- регулярно передается через [и], но по русскому правилу [i] перед орфографическим гласным. В нескольких случаях ожидаемый ауслаутный -i- записан как [-ы], что отражает переход гласного в задний ряд в результате инновативного выравнивания после заднерядной основы. Еще несколько нетривиальных отражений не находят объяснения на синхронном уровне и, отнесенные к области исторической фонетики, подробнее рассматриваются в главе III.

Гласный -i- в позиции после твердых гласных регулярно передается как [ы]. После палатальных согласных используется [и], но [i] перед орфографическим гласным. Все эти буквы встречаются и в анлауте, что связано с запретом на начальный *[ы-] в русской орфографии. Колебание в записи поддерживается фонетическими особенностями анлаутного i-, который отмечается по говорам в среднерядном варианте, вследствие чего становится возможным даже переход в передний ряд. В нескольких (впрочем, не вполне надежных) случаях ожидаемый -i- передается как огубленный гласный при помощи буквы [ю], имеющей, по П. С. Палласу, фонетическое значение -i-. По-видимому, это связано со вторичной лабиализацией -i- в позиции рядом с губным согласным.

Общечувашский *o, согласно традиционным представлениям диалектологов, сохраняется в верховых говорах чувашского языка и переходит в -u- в низовом диалекте. Оба варианта хорошо представлены в материале Словаря Палласа. При этом по исторической фонетике чувашского языка их встречаемость ограничена почти исключительно первым слогом, в непервых слогах -o-/-u- появляются лишь в недавних заимствованиях и в результате узкодиалектных фонетических развитий. В нескольких записях памятника ожидаемый -o- передан как [a], что по крайней мере в части случаев может объясняться «аканьем» интервьюера.

Достаточно сложную картину образуют отражения рефлексов

общечувашского *o в позиции после палатальных согласных. С одной стороны, -o-/-u- и мягкость предшествующего согласного передаются при помощи диграфов [jo]/[ju]. С другой стороны, в этих целях используются особые буквы [jü], [jǘ] и [jü̂]. Буква [jü], согласно рекомендациям из «Предисловия» к Словарю, должна читаться как jo (но, очевидно, -ö- в неначальной позиции). Буква [jǘ], как уже отмечалось выше, имеет фонетическое значение -ǖ-. Букву [jü̂], по П. С. Палласу, следует читать как ju. Однако в чувашском материале по контексту эта буква выглядит совершенно неуместной, и есть весомые основания полагать, что во всех случаях она появилась в результате ошибок при переписывании [jǘ]. Материал памятника не позволяет установить, почему в одних случаях для передачи *o после палатальных используются диграфы, а в других — [jü] с вариантами. Не исключено, что оба орфографических приема воспринимались создателями Словаря как равнозначные.

В памятнике отмечается несколько основ с особым напряженным гласным -u-, который имеет источником сочетания пратюркского *a с глайдом. В отличие от рефлексов общечувашского *o, этот гласный и в низовом, и в верховом (!) материале памятника передан через [y]. После палатальных согласных регулярно выступает вариант [jü], также отражающий устойчиво узкое произношение.

Гласный -ü-, общий для верхового и низового диалектов чувашского языка, в неначальной позиции регулярно передается при помощи [jǘ]. В начале слова отмечается регулярное отражение через [y]. Такое обозначение обусловлено тем, что орфография Словаря Палласа не располагает более точными средствами передачи начального ǖ-. Вариант с [jǘ] в данном случае составители сочли неуместным, так как возникал бы риск смешения с буквой [jü-], передающей в анлауте йотацию.

В разделе 2 «Редуцированные гласные» рассматриваются отражения в памятнике чувашских гласных -ь-, -ə-, -ь̆, -ə̆. Нужно отметить, что распространенное в чувашеведении мнение приписывает памятникам XVIII века практически бессистемное отражение редуцированных. Действительно, например, гласный -ь- отражается в Словаре Палласа при помощи 7 разных букв. Однако анализ полной росписи материала показывает, что многообразие способов записи строго обусловлено наличием у редуцированных гласных разных позиционных вариантов.

Оказывается, что в первых слогах редуцированные регулярно отражаются как узкие гласные: -ь- передается через [ɯ], -ə- — через [ɨ], -ь̆ — через [y], -ə̆ — через [jǘ]. При этом в плане орфографии действует те же правила, что и для гласных полного образования. Так, в позиции после палатальных согласных -ь- записывается через [ɨ], а -ь̆ — через [jǘ]. Гласный -ə̆ в анлаутной позиции аналогично -ǖ- отражается как [y].

В непервых слогах наблюдается расщепление отражений редуцированных. В части случаев они записываются как узкие гласные

(такая же картина, что и в первом слоге). Но также отмечаются отражения как будто открытых гласных: *-ь*- записывается через [a], *-ə*- — через [e], *-ь^о* — через [o], *-ə̃*- — через [e] (то есть как нелабиализованный гласный, о чем см. ниже). Судя по имеющемуся материалу, выбор того или иного варианта прямо связан с ударностью (> закрытые отражения) или безударностью (> открытые отражения) данного редуцированного и, в конечном счете, с акцентными системами зафиксированных в памятнике чувашских диалектов. В ряде верховых записей все же отмечаются закрытые отражения безударных редуцированных в непервых слогах, но все эти случаи надежно объясняются аккомодацией под влиянием узких *-i-*, *-ĩ-* в первом слоге.

Исключения из приведенных распределений, сами по себе достаточно немногочисленные, как будто отражают «расширение» ожидаемого для данной позиции варианта редуцированного. Так, в нескольких примерах на месте ожидаемого [и], отражающего *-ə*- первого слога, появляются [э-]/[-e-]. В ряде записей отмечается [я] на месте ожидаемого [e] при передаче безударного *-ə*- в непервом слоге. Данные случаи резко выбиваются из общей системы отражения редуцированных в памятнике и необъяснимы какими-либо позиционными изменениями. По-видимому, формы с такими отражениями следует относить к особому, слабо представленному в памятнике говору (по ряду косвенных признаков он может быть отнесен к верховому диалекту и фигурирует в диссертации под условным названием «говор "верховой Б"»).

Далее, в части записей отражение редуцированных указывает на позиционные изменения под влиянием консонантного окружения. В первую очередь, речь идет о вторичной лабиализации *-ь*- (для *-ə*-, по-видимому, просто нет подходящих контекстов) рядом с губными согласными и *-l-*. В таких случаях место ожидаемого [ь] в записи занимает [у], а место [a] — [o]. Кроме того, в нескольких примерах (преимущественно верховых) в позиции рядом с губными согласными происходит понижение подъема гласного, и огубленные редуцированные первого слога — как этимологические, так и вторичные — передаются при помощи [o]. С другой стороны, в памятнике отмечаются и случаи делабиализации исторически огубленных редуцированных в том же контексте. В таких случаях место [у] при записи ожидаемого *-ь^о* занимает [ь], а место [o] — [a]. Для ожидаемого *-ə̃*-, соответственно, используются обозначения через [и] и [e].

Особой позицией для редуцированных является также положение после *j-*. В этом контексте в верховом материале место ожидаемого [e], регулярно отражающего безударный *-ə*-, а также *-ь*- после палатальных, занимает [и], что отражает сужение редуцированного гласного. В низовом материале — обратная ситуация: в сильной позиции первого слога и непервых ударных слогов после *j-* (а также, по-видимому, *č-*) отражается

гласный среднего подъема, то есть вместо ожидаемого [и] записывается [e].

В части случаев ожидаемым -ь-, -э-, -ь°, -э° в тексте памятника соответствует нуль, что отражает хорошо известную по чувашским говорам элизию редуцированных. Прежде всего, редуцированные могут отпадать в ауслауте, а также выпадать в середине слова в позиции между шумным согласным и сонантом.

Таким образом, приемлемые объяснения обнаруживаются для всех способов отражения редуцированных гласных в Словаре Палласа.

В целом запись чувашских гласных в памятнике носит достаточно последовательный характер. Если не считать случаев с диакритиками, самые распространенные ошибки заключаются в смешении [а] и [я], а также [а] и [о], что обусловлено сходством рукописных вариантов этих букв.

Способы записи гласных в чувашской части Словаря Палласа обобщены в нижеследующей таблице. Разные позиции обозначены в ней следующим образом: #V- — абсолютное начало слова, -V₁- — гласный первого слога, -V₂- гласные непервых слогов, -V# — конец слова. Подсчет употреблений (соответствующая цифра приводится вслед за каждой буквой) осуществлен с учетом принятых конъектур. Обозначения типа 40⁺ применяются при подсчете тривиальных отражений с очень большим числом употреблений. Сложные случаи и һарах legomena учтены здесь постольку, поскольку не вызывает сомнений восстановление данного гласного. Звездочкой отмечены нетривиальные отражения гласных, не находящие объяснений на синхронном уровне и квалифицированные как архаизмы. Жирным шрифтом выделены те буквы, которые являются регулярным отражением данного гласного в нейтральном консонантном окружении.

	#V-	-V ₁ -	-V ₂ -	-V#
a	[а] 24	[а] 40 ⁺ [я] 11 ¹ [о] 1 ^{2,3} [Ю́] 1 ^{3,4}	[а] 40 ⁺ [я] 3 ¹ [о] 1 ²	[а] 40 ⁺ [я] 1 ¹
e	[а] 4 [э] 2	[я] 1 ⁵ [е] 2 ⁵	[я] 5 ⁶ [е] 19	[я] 16 [е] 2*, 1 ⁵ , 2 ⁷ [а] 1 ⁸
i	[и] 6 [ы] 2 [і́] 1 ^{9,10} [Ю́] 1 ¹¹	[и] 12 ¹² [ы] 11 [і́] 1 ⁹ [Ю́] 1 ^{4,11}	- - -	[ы] 4 ¹³

	#V-	-V ₁ -	-V ₂ -	-V#
i	[и] 5	[и] 30 ⁺ [i̇] 1 ⁹ [é] 1* [iú] 1*	[и] 3	[и] 21
o	[о] 9 [у] 4	[о] 39 [у] 26 [io] 2 ⁴ [iy] 2 ⁴ [iо] 4 ⁴ [iú] 3 ⁴ [a] 3 ¹⁴	[у] 1	[io] 1 ⁴
u	[у] 2	[у] 3 [iú] 3 ⁴	- -	[у] 1 [yв] 1 ¹⁰
ü	[у] 3	[ю] 8	-	-
ь	[i̇] 1 ^{9,10}	[ы] 8 [и] 7 ¹⁵ [е] 5 ¹⁶ [у] 2 ¹¹ [о] 3 ^{11,17}	[ы] 24 ¹⁸ [и] 6 ¹⁵ [е] 2 ¹⁶ [у] 6 ^{11,18} [о] 5 ^{11,19} [а] 10 ¹⁹	[ы] 5 ²⁰ [о] 2 ¹¹ [а] 15 ¹⁹
ə	[и] 5 [ə] 1	[и] 18 [е] 4 [ъ] 1	[и] 9 ¹⁸ [е] 7 ¹⁹ [я] 1	[и] 2 [е] 20 [я] 1
ь̆	[у] 1	[у] 20 [о] 6 ¹⁷ [ы] 4 ²¹ [iú] 10 ⁴	[у] 7 ²⁰ [о] 3 ¹⁹ [а] 3 ^{19,21}	[у] 1
ə̆	[у] 1	[ю] 9 [и] 2 ²¹	 [е] 2 ^{19,21}	[ю] 2

Таблица 2. Отражение гласных в чувашской части Словаря Палласа.

Комментарии:

- ¹ После палатальных согласных, но [ча] по правилам русской орфографии.
- ² В результате гиперкоррекции при записи "акающим" интервьюером.
- ³ В результате контаминации.
- ⁴ После палатальных согласных.
- ⁵ В заимствованиях.
- ⁶ В словоизменительных аффиксах низовых форм.
- ⁷ В последовательности [ге], так как *[гя] не характерна для русской орфографии.

⁸ В последовательности [ча] по правилам русской орфографии.

⁹ Вариант [и] перед орфографическим гласным.

¹⁰ Спорный случай.

¹¹ Вторичная лабиализация рядом с губным согласным.

¹² После палатальных согласных, а также в последовательности [ши] по правилам русской орфографии.

¹³ В результате инновативного выравнивания -i после заднерядной основы.

¹⁴ При записи "акающим" интервьюером.

¹⁵ После палатальных согласных (но в низовом говоре — только в непервых безударных слогах) и в последовательности [ши] по правилам русской орфографии

¹⁶ В низовом говоре после палатальных согласных в первом или ударном непервом слоге.

¹⁷ Понижение подъема рядом с губным согласным.

¹⁸ В низовом говоре под ударением, а также в безударных слогах верхового говора при наличии i, i' в первом слоге.

¹⁹ В безударных слогах верхового говора.

²⁰ В низовом говоре под ударением.

²¹ Делабиализация рядом с губным согласным.

В разделе 3 «Способы выявления акцентных характеристик» анализируется отражение в памятнике систем ударения «палласовских» говоров чувашского языка. Рассмотрение этого вопроса в рамках главы, посвященной вокализму, представляется вполне уместным, так как именно гласные являются носителями акцентных характеристик.

Как известно, акцентные системы верхового и низового диалекта чувашского языка имеют значимые различия. В верховом диалекте в словах, где имеются только редуцированные гласные, ударение падает на первый слог, а в остальных случаях — на последний слог с нередуцированным гласным. В низовом диалекте ярко выражена тенденция к ударности последнего слога, даже если он содержит редуцированный. Обе акцентные системы хорошо представлены в чувашских материалах Словаря Палласа.

Основным способом обозначения ударения в памятнике являются диакритические знаки — акут (´) и гравис (`). Выбор в пользу одного из них диктуется исключительно орфографией. В первом издании Словаря во всех случаях используется только акут. Во втором издании по правилам русской орфографии XVIII века акуты, проставленные над последней буквой в слове, регулярно заменяются на грависы.

В части записей отражение акцентных знаков искажено в результате ошибок при переписывании. Среди прочего отмечаются случаи смешения акута с другими диакритическими знаками — циркумфлексом (^) и дужкой над [й].

Примечательной особенностью орфографии рассматриваемого памятника является использование акута не только в значении акцентного знака, но и в роли маркера изменения артикуляции (повышения подъема)

гласного. В «Предисловии» к Словарю оговаривается только узкое произношение [ю] = -i- при [ю], отражающем гласный среднего подъема. Но анализ материала показывает, что в аналогичном значении акут может использоваться и с другими буквами. В частности, надежно выделяются случаи использования [á] в значении редуцированного -а-. Также, по-видимому, следует говорить о спорадическом употреблении [é] в значении закрытого -е-.

Ряд записей в памятнике имеет проставленное ударение, не соответствующее акцентным системам современных чувашских диалектов. По крайней мере в части случаев оно объяснимо, исходя из исторической фонетики чувашского языка. Так, показатель инструменталиса *-ba* регулярно (по крайней мере, в верховом материале памятника) отражается как маркированно безударный — с проставленным ударением на предыдущем слоге. По современным правилам этот аффикс всегда несет ударение, подчиняясь общим правилам акцентуации (как верховой, так и низовой). Однако в предположении об ошибках в палласовских записях нет необходимости, так как в чувашских говорах XVIII века данный показатель вполне мог иметь статус всегда безударной клитики (как и некоторые другие показатели, см. подробнее раздел 2 главы III, посвященный морфологии «палласовских» говоров).

В словах с непроставленным ударением его место можно восстановить, исходя из указанных сведений об акцентных системах чувашских диалектов. Если в последнем слоге представлен гласный полного образования, то с большой вероятностью он является ударным. В прочих случаях место ударения надежно восстанавливается исходя из различного отражения ударных и безударных редуцированных гласных в последнем слоге.

После анализа способов передачи чувашских согласных и гласных в Словаре Палласа становится возможным выполнить последовательное описание говоров-источников данного памятника. Этому посвящена **Глава III «Реконструкция систем чувашских говоров Словаря Палласа»**, состоящая из четырех разделов. Она представляет собой первый в своем роде опыт полного (насколько это возможно) описания чувашских говоров XVIII века по данным крупного письменного памятника.

Так как далеко не все расщепления при записи чувашской фонетики, рассмотренные в главах I и II, объясняются позиционным варьированием звуков, следует заключить, что в памятнике представлены несколько фонетических систем, которые, судя по ряду признаков, относятся к разным диалектам чувашского языка. Исходя из этой предпосылки и ведется исследование в данной главе. По умолчанию речь идет о двух говорах, называемых «верховым "палласовским" говором» и «низовым "палласовским" говором». Если в главах I и II исследовались непосредственно чувашские записи Словаря Палласа, то в главе III — в

той степени, в какой это позволяет орфография памятника — анализируются их реконструированные фонетические прототипы. Они приводятся в латинской записи, которая сочетает черты транскрипции и транслитерации, но ближе к последней.

В разделе 1 «Фонетические системы "палласовских" говоров чувашского языка» установленные ранее неоднозначности при записи чувашского материала проецируются на фонетический уровень и соотносятся с диалектными данными. При этом к анализу широко привлекается материал современных чувашских говоров, в том числе полученный в результате собственных полевых исследований. Здесь же дается интерпретация обнаруженных при росписи явлений из области исторической фонетики.

Консонантные системы «палласовских» говоров восстанавливаются в следующем виде.

	Лаб.	Дент.	Палат.	Ретрофл.	Веляр.
Шумные смычные	p (-b-)	t (-d-)	č (-č-), [t̚]		k (-g-)
Шумные спиранты		s (-z-), -ʃ# (<*lč̣)	ś (-ś-), -ž- (<*lč̣)	š (-ž-)	χ (-γ-)
Носовые сонанты	m	n	ŋ		
Плавные сонанты	v ~ w		j, [l̥]	l	
Дрожащие сонанты		r	ɾ		

Таблица 3. Консонантизм верхового «палласовского» говора.

	Лаб.	Дент.	Палат.	Ретрофл.	Веляр.	Увуляр.
Шумные смычные	p (-b-)	t (-d-)	č (-č-), [t̚]		k (-g-)	<q>
Шумные спиранты		s (-z-), -ʃ# (<*lč̣)	ś (-ś-), -ž- (<*lč̣)	š (-ž-)	χ (-γ-)	
Носовые сонанты	m	n	ŋ			
Плавные сонанты	v, <w>		j, [l̥]	l		
Дрожащие сонанты		r				

Таблица 4. Консонантизм низового «палласовского» говора.

В круглых скобках после шумных согласных приведены варианты для позиций озвончения, в угловых скобках — фонемы, отмеченные только в заимствованиях. Палатальные *t̚*, *ŋ*, *l̥*, *ɾ*, выделяются на том основании, что в результате перестройки сингармонизма и упрощения сочетаний с **-j-* в чувашском языке возникло противопоставление в заднерядном контексте

t-ṭ, n-ṇ, l-ḷ и *r-ṛ* (последняя оппозиция — специфически верховая). В квадратных скобках даются палатальные фонемы *ḷ* и *ṭ*, которые ожидаемы для «палласовских» говоров, но реально в материале памятника не представлены.

К числу наиболее характерных черт консонантизма «палласовских» говоров относятся следующие:

1. Отличная от современной дистрибуция глухих и полувзвонких вариантов шумных согласных. Речь идет о появлении глухих аллофонов в ожидаемых позициях озвончения, см. раздел 1 главы I, а также о многочисленных примерах, преимущественно верховых, с начальным *b-*. Последние случаи, с одной стороны, могут быть интерпретированы как следствие инновационного распределения вариантов губного смычного, так как *b-* чаще встречается перед широкими гласными, а *p-* — перед узкими. С другой стороны, не исключен и архаизм — ср. сохранение старого анлаутного **b-* в якутском, горноалтайском, кыпчакских языках при общем неразличении в них анлаутной глухости-звонкости для остальных шумных смычных согласных. Представляется, что однозначная интерпретация анлаутного *b-* станет возможной после получения полной выборки форм с начальным губным смычным из остальных памятников чувашского языка XVIII века.

2. Особая рефлексация пратюркских сочетаний типа **ḷc̣, *ńc̣, *řs* в интервокальном положении (палатальный сибиллянт *-ž-* в верховом говоре, палатальная аффриката *-ž-* в низовом) и в ауслауте (твердый *-s* в обоих говорах). В современном чувашском языке в качества рефлекса этих сочетаний регулярно выступает палатальный *ś*, реализующийся как *-ž-* в позиции озвончения. Однако по говорам наблюдаются развития, схожие с ситуацией в памятнике.

3. Стяжение общечувашского сочетания *-jr-* в палатальный *-ṛ-* (только в верховом «палласовском» говоре).

4. Геминация *-m-* > *-mm-* в позиции между огубленными редуцированными гласными (только в верховом говоре).

5. В части форм реализация анлаутного йота через шумный *γ̣*, в других случаях — стяжение йота с последующим гласным (только в верховом говоре).

6. Позиционное распределение *v-* в положении начала слога и конечнослогового *-w* (только в верховом говоре).

7. В некоторых верховых формах — переход конечнослогового *-χ* в *-k*.

8. В низовом «палласовском» говоре — наличие особых фонем *q* и *w*, дистрибуция которых ограничена только заимствованными словами.

Вокалические системы «палласовских» говоров реконструируются в следующем виде (в скобках приведены особые редко встречающиеся гласные).

ряд	передний	передне-средний	средний	средне-задний	задний
подъем					
верхний	i ü			i	ɯ
верхне-средний	(e)				
средний	e	ə ə̣		ɤ ɤ̣	o
нижний			a		

Таблица 5. Вокализм верхового «палласовского» говора.

ряд	передний	передне-средний	средний	средне-задний	задний
подъем					
верхний	i (ị) ü			i (ị)	u ɯ
средний	e	ə ə̣		ɤ ɤ̣	
нижний			a		

Таблица 6. Вокализм низового «палласовского» говора.

Отличительными особенностями вокализма «палласовских» говоров чувашского языка являются следующие:

1. Междиалектное соответствие рефлексов общечувашского *o, в целом совпадающее с традиционным представлением, согласно которому верховому -o- соответствует низовой -u-. При этом фиксация в памятнике определенного количества неоднозначных форм (с выписыванием [o] в первом слове и вместе с тем отражением акцентуации низового типа) позволяет сделать предположение о более сложной картине рефлексации, а именно о наличии в низовом «палласовском» говоре закрытого гласного типа -o-. Данная гипотеза поддерживается обнаружением этого звука при полевом обследовании современных низовых говоров чувашского языка.

2. Последовательное различие названных рефлексов общечувашского *o и рефлексов старых сочетаний гласного с глайдом, дающих в чувашском напряженный -u-.

3. Наличие в обоих говорах как неогубленных, так и огубленных редуцированных гласных. Это противоречит сложившимся в чувашеведении представлениям о повсеместной утере огубленных редуцированных в низовом диалекте, но подтверждается данными недавних полевых исследований.

4. Оригинальная система позиционного распределения гласных -e- (анлаут — инлаут — ауслаут, внутри основы — в аффиксе), -i- (анлаут — не анлаут), а также редуцированных гласных. Варианты последних зависят от характеристик слога, акцентуации и консонантного окружения, см. подробнее разделы 1 и 2 главы II.

5. Случай вторичного выравнивания, то есть аккомодации гласных по сингармонистическому ряду. В верховом диалекте, кроме того, случаи аккомодации редуцированных гласных по подъему под влиянием узких -i-, -i- первого слога.

6. В верховом материале — единичный случай сохранения закрытого*е (в слове *kerek* 'любой', по автору — 'или, либо'). В основных диалектах чувашского языка этот пратюркский гласный развивается в *-i-*, но остаточно сохраняется в особом малокарачинском говоре (диалекте), о котором см. ниже.

7. В низовом «палласовском» говоре — наличие особых гласных типа огубленных *-i̇-* и *-i̇-*. Они восстанавливаются в случае огубленных отражений на месте ожидаемых *-i-* и *-i-*. В некоторых случаях огубленность этих гласных может рассматриваться как позиционная, обусловленная позицией рядом с губными согласными. Однако не все примеры могут быть объяснены влиянием консонантного окружения, и не исключено, что *-i̇-* и *-i̇-* в данном говоре частично продолжают пратюркские гласные **ä* и **ė*, о которых см. Мудрак 1993, 1994, СИГТЯ 2002.

8. Для низового «палласовского» говора, по-видимому, следует также предполагать особую рефлексацию пратюркских долгот (только в однословах). Такое объяснение представляется наиболее удачной интерпретацией ряда записей памятника, в которых на конце односложного слова выписаны удвоенные согласные. По чувашской фонотактике ауслатные геминаты невозможны, так что предпочтительнее усматривать в такой записи отражение особой артикуляции предшествующего гласного. Оказывается, что по крайней мере в части указанных основ на пратюркском уровне реконструируется долгий гласный, ср. записи [*иссЪ*] 'работа' ~ чув. *əs* < ПТ **ilc* > туркм. *ĩş*, як. *ĩş*, [*яттЪ*] 'имя' ~ чув. *jat* < ПТ **jāt* > туркм. *āt*, як. *āt*. Можно предположить, что старая долгота дала в низовом «палласовском» говоре рефлекс типа «гласный + гортанная смычка», и последняя была воспринята сборщиком материала для Словаря как удлинение следующего согласного. В случае [*валлЪ*] 'ров' (заимствование из рус. *вал?*), видимо, подействовал принцип аналогии: так как в чувашском языке начальная последовательность *va-* появляется из пратюркского долгого **ō*, то и это слово было воспринято как имеющее долготу. В существующую модель репрезентации однослогов, вероятно, также по аналогии встроилось заимствование из татарского языка [*сыннЪ*] 'лицо' ~ чув. *sʏn* 'облик, внешность'.

В разделе 2 «Морфология "палласовских" говоров чувашского языка» исследованы именные и глагольные грамматические показатели, зафиксированные в чувашской части Словаря. В целом ситуация в «палласовских» говорах близка с современной, но обращают на себя внимание некоторые особенности.

В верховом «палласовском» говоре сохраняется как архаизм клитический характер ряда морфологических показателей, которые уже после XVIII века перешли в разряд аффиксов. Речь идет об именных

показателях множественного числа (*-sam*), инструменталиса (*-ba*) и принадлежности 3-го лица (*-šə*). Их особый статус подтверждается:

— неподчинением законам сингармонизма (в современных верховых говорах *-šə* также употребляется только в переднерядном варианте, но два других показателя имеют по два сингармонистических варианта);

— запретом на принятие ударения (в современных верховых говорах эти показатели подчиняются общим правилам акцентуации, то есть аффиксы множественного числа и инструменталиса всегда ударны, а *-šə* безударен);

— в части случаев неозвончением начального согласного в грамматическом показателе, следующего за конечным гласным или сонантом основы (в современных говорах в этой позиции ожидаемо представлены варианты *-zam/ -zem, -ba/ -be, -žə*).

Исторически клитический характер этих морфем полностью подтверждается данными внешнего сравнения на тюркском и алтайском уровнях.

В низовом «палласовском» говоре отмечается более инновационная картина. В нем бывшие клитики, по-видимому, полностью перешли в разряд аффиксов и не демонстрируют вышеназванных особенностей.

Также в «палласовских» говорах отмечаются следы различия старых показателей аккумулятива и датива, совпавших в современном чувашском языке. В материале памятника имеет единственный пример на противопоставление переднерядных вариантов этих показателей (*-le* и *-le*). Однако важно, что признаки подобного различия присутствуют и в других памятниках чувашского языка XVIII века (в частности, в «Сочинениях, принадлежащих к грамматике чувашского языка» 1769 года).

Раздел 3 «Лексика чувашской части Словаря Палласа». В рассматриваемом памятнике зафиксировано около 300 чувашских основ. Примерно три четверти из них имеют тюркскую и (~ или) алтайскую этимологию. Заимствования распределяются следующим образом. Около 15 основ проникли из других тюркских — прежде всего, соседних кыпчакских — языков. С другой стороны, примерно столько же заимствований имеют кавказское происхождение; по-видимому, они должны быть отнесены к периоду пребывания болгар на Северном Кавказе в VI в. н. э., но, может быть, и позже. Также в памятнике присутствует около 10 арабо-персидских заимствований, попавших в чувашский язык через татарский или, возможно, через прямые культурно-торговые контакты эпохи Волжской Булгарии. Менее чем по 10 основ приходится на заимствования из русского и марийского языков. Некоторые из отмеченных в памятнике чувашских слов впервые этимологизированы в настоящей диссертации.

Фонетика заимствованных слов и данные о расселении этнокультурных групп чувашей позволяют сделать некоторые выводы о лексическом

своеобразии «палласовских» говоров. Так, вполне ожидаемы заимствования из татарского языка, прежде всего, в низовые чувашские говоры, однако в памятнике отмечены и татаризмы в фонетической адаптации верхового типа. Заимствования из марийского языка, наоборот, встречаются преимущественно (но не исключительно) в верховом материале памятника. Лексика, заимствованная из прочих языков, примерно одинаково представлена и в верховом, и в низовом говоре.

Отдельную проблему составляет интерпретация чувашских слов, являющихся уникальным достоянием Словаря Палласа. Традиционно такие записи списывались на ошибки при составлении памятника. Однако применение сравнительно-исторического метода позволяет выполнить их этимологизацию. Оказывается, что некоторые уникальные основы имеют тюркскую (~ или) алтайскую этимологию, другие могут быть квалифицированы как заимствования.

Раздел 4 «Элементы синтаксиса». Синтаксис «палласовских» говоров из-за самого словарного жанра рассматриваемого памятника реконструируется лишь фрагментарно. Ввиду немногочисленности языковых сегментов, превышающих слово, диалектные особенности в синтаксисе «палласовских» говоров почти не прослеживаются.

В **Заключении** к диссертации приводятся результаты исследования. Кроме того, здесь предпринята попытка решить вопрос о конкретной **географической локализации** говоров, материал которых отражен в чувашской части Словаря Палласа. В памятнике надежно выделяются данные верхового (вирьял) и низового (анатри) типа. При этом несводимость ряда верховых форм в одну систему с остальным верховым материалом вынуждает считать, что реально в памятнике зафиксированы данные нескольких говоров вирьял.

Географическая локализация говоров-источников затруднена по ряду причин, главные из которых — во-первых, недостаточная степень изученности синхронной диалектологии чувашского языка, а во-вторых, возможное (и даже весьма вероятное) изменение границ отмеченных в памятнике изоглосс за последние несколько веков. Кроме того, основным донор верхового материала памятника (собственно верховой «палласовский» говор, в нашей терминологии) сочетает в себе множество типичных общеверховых черт. При этом уникальные особенности верхового «палласовского» говора почти не упоминаются в описаниях верхового диалекта, выполненных в конце XIX–XX веках (Н. И. Ашмарин, А. С. Канюкова, Л. П. Сергеев).

По-видимому, решающее значение для локализации верхового «палласовского» говора имеют результаты полевых исследований, проведенных в Красночетайском районе Чувашии в июле 2014 года. Как выяснилось, во многих отношениях красночетайский говор чувашского языка демонстрирует близость к верховому материалу Словаря Палласа.

Среди общих изоглосс следует упомянуть стяжение *-jɪ- > -j̣-*, появление шумного согласного на месте ожидаемого анлаутного *j̣-*, а кроме того, повышенную частотность выпадения инлаутных редуцированных гласных, что приводит иногда даже к возникновению консонантных кластеров, в целом не свойственных чувашскому языку. По отдельности эти черты могут не быть уникальными для красночетайского говора, однако их средоточие в одном месте сильно повышает достоверность предложенной локализации.

Привязка верхового материала памятника к красночетайскому говору обоснована и историко-географическим контекстом. Территория его бытования входила в XVIII веке в Курмышский уезд. Из крупных губернских центров, куда поступали предписания о сборе языковых данных для Словаря Палласа, будь то Нижний Новгород или Симбирск, окрестности Курмыша выделялись как ближайшее место расселения чувашей.

Некоторые зафиксированные в памятнике формы, демонстрируя верховые черты, явно имеют не красночетайский, а северо-западный (малокарачинский) характер. К таковым относятся, в первую очередь, сохранение закрытого **e* в единственной форме, отраженной как [кѐрекъ] 'или, либо' и отмеченный в ряде форм переход *-χ > -k*. Кроме того, в этом же ключе можно интерпретировать выпадение инлаутного сонанта в форме, записанной как [чазá] 'локоть' ~ чув. *čavza*, отражение кластера *-bl-* в [неблѐ] 'как' ~ чув. *perle*, а также семантику записи [тумáнь] 'пар' (в отличие от 'метель' в большинстве других говоров). Очень небольшое число форм с северо-западными особенностями свидетельствует о том, что материал такого типа попал в Словарь случайно. Возможно, носитель малокарачинского диалекта присутствовал при записи основного верхового материала красночетайского типа и эпизодически вмешивался в процесс. Косвенно эта версия подтверждается смежностью территорий бытования этих двух идиомов (расстояние между селами Малое Карачкино и Курмыш — всего около 40 километров).

Наконец, в Словаре Палласа выделяется говор под условным названием «верховой Б». В рамках настоящего исследования он почти не отличим от основного верхового говора памятника за тем исключением, что демонстрирует особое распределение аллофонов редуцированных гласных (в частности, открытые варианты неожиданно появляются в первом слоге). При этом данные формы очевидно не совпадают с малокарачинскими: в памятнике нет таких записей, в которых одновременно отражаются и северо-западные изоглоссы, и особенности вокализма типа «верхового Б». Из-за небольшого числа признаков, наглядно отличающих данный говор, его локализация при современном состоянии описанности чувашских диалектов не представляется возможной.

Географическая локализация палласовского материала низового типа также затруднена, так как говоры анатри значительно единообразнее верховых и при этом хуже описаны. Низовой материал Словаря Палласа уверенно сводится в единую систему, и поэтому нет необходимости дробить его на несколько говоров. Если исходить из экстралингвистических факторов, то ожидаемой выглядит запись низовых форм в месте, не слишком отдаленном от крупных центров. В частности, это могли быть Буинский уезд Симбирского наместничества или Тетюшский и Свияжский уезды Казанского наместничества (то есть юго-восток нынешней Чувашии и юго-запад Татарстана). Едва ли сборщики побывали в местах расселения чувашей, расположенных восточнее указанной территории.

В будущем, после подробного обследования современных чувашских говоров низового типа, а также после детального сопоставления материалов Словаря Палласа с данными других памятников чувашского языка XVIII века, станет возможной более надежная географическая локализация низового «палласовского» говора.

В списке **Приложений** к диссертации следует выделить **Приложение 1 «Словарь чувашской лексики по материалам П. С. Палласа»**. Он имеет поосновную структуру и содержит 319 вхождений. Для каждой основы приводятся: 1) номер в электронной базе данных, оформленной в программе С. А. Старостина Starling; 2) реконструированная общечувашская форма в фонематической записи; 3) значения (по П. С. Палласу); 4) записи в первом и втором издании Словаря Палласа, отражающие данную основу; 5) фонетические прототипы записей с данной основой, последовательно помеченные как верховые или низовые; 6) орфографические соответствия данных записей в литературном чувашском языке; 7) марийские, удмуртские и мордовские слова, зафиксированные в этом же памятнике и этимологически связанные с данной чувашской основой; 8) диалектная принадлежность зафиксированных форм; 9) этимологические комментарии; 10) ссылки на другие основы, зафиксированные в составе тех же сложений, что и рассматриваемая. Данное приложение может быть полезно исследователям, которые в дальнейшем будут заниматься вопросами исторической грамматики чувашского языка и памятников чувашского языка XVIII века.

В Приложения 2–6 приводятся алфавитные индексы, облегчающие ориентацию в языковом материале рассматриваемого памятника. Кроме того, каждое из этих приложений имеет самостоятельную теоретическую и практическую значимость.

Приложения 2 «Индекс форм верхового "палласовского" говора чувашского языка» и **3 «Индекс форм низового "палласовского" говора чувашского языка»** могут пригодиться при дальнейшей разработке исторической диалектологии чувашского языка.

Приложение 4 «Индекс значений чувашской части Словаря Палласа» будет полезно филологам, занимающимся Словарем Палласа с точки зрения истории лексикографии.

Приложение 5 «Индекс орфографических соответствий чувашских форм Словаря Палласа» может быть использовано для ознакомления с материалом памятника лицами без специальной филологической подготовки, однако владеющими чувашским литературным языком.

Наконец, **Приложение 6 «Нумерический индекс»** упрощает работу с электронной базой данных чувашской лексики по материалам П. С. Палласа, которая легла в основу приводимого в Приложении 1 Словаря и доступна у автора.

Основные положения и научные результаты диссертации **отражены в следующих публикациях автора.**

В рецензируемых журналах из перечня ВАК:

1. Савельев А. В. Отражение вокализма чувашских диалектов в «Сравнительном словаре» П. С. Палласа // Урало-алтайские исследования. 2013. № 1 (8). С. 34–54.

2. Савельев А. В. Булгаризмы в хантыйском языке (с дискуссионными комментариями А. Рона-Таша) // Урало-алтайские исследования. 2013. № 3 (10). С. 66–75.

3. Савельев А. В. Огубленные «ы» и «и» в низовых говорах чувашского языка // Вестник КИГИ РАН. 2014. № 1. С. 36–41.

Прочие:

4. Савельев А. В. Фонетические особенности низового диалекта чувашского языка (по данным говоров Нурлатского района Татарстана) // Материалы XIII международной конференции «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России». Уфа, 2013. С. 105–111.

5. Савельев А. В. Уникальная лексика в чувашской части Словаря Палласа // Вопросы тюркологии. — В печати.